

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет Исторический факультет

Кафедра Политологии и права

Направление 41.03.04. Политология, профиль Российская
политика

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав
кафедрой Политологии и права

М.В. Константинова
(подпись)

«_____» _____ 2017 г.

Выпускная квалификационная работа

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И
ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Выполнил студент
группы 44

А.А. Спиридонов
(подпись, дата)

Форма обучения очная

Научный
руководитель:
к.ист.наук.
М.В.
Константинова
(подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические основы теории культурной памяти.....	10
1.1. Основные подходы и этапы развития в теории культурной памяти.....	10
1.2. Роль основных субъектов гражданского общества в формировании культурной памяти.....	18
Глава 2. Механизмы реализации влияния гражданского общества на формирование культурной памяти.....	32
2.1 Роль общественных организации в формировании коммеморативной исторической политики на примере г. Красноярск.....	32
2.2 Конфронтация общественных организаций, как фактор формирования культурной памяти на примере музея «Пермь – 36».....	38
Заключение.....	49
Библиографический список.....	54

Введение

Для понимания истинного характера происходящих на постсоветском пространстве современных процессов и прогнозирования его будущего недостаточно опираться на анализ геополитических интересов различных социальных групп, внешних влияний, честолюбивых устремлений политиков и т. п. Требуется детальное изучение проблем, связанных с культурой. Они всегда, сохраняя свое значение, приобретают наибольшую остроту в кризисные моменты, когда в обществе усиливается потребность переосмысления пройденного пути с целью корректировки курса. В этом ряду одно из первых мест занимает проблема национальной самоидентификации. Эта проблема побуждает общество задуматься над тем, что объединяет нацию, над своим прошлым и стоящими перед ним целями и т. п., а правительства и общественные организации - формировать соответствующую историческую политику.

В настоящее время в разных странах, в том числе в России, в политической сфере происходят настоящие сражения за историю, что приводит к активному политическому использованию исторического знания. Предметом противостояния становятся те или иные исторические события в их разнообразной интерпретации, ритуализация и коммеморация исторической практики, институционализация исторической памяти. Все эти процессы связаны с политическим использованием истории на всех уровнях – академическом, общественном, государственном.

Все это находит прямое отражение в повседневной жизни людей. Появляются новые праздники и забываются прежние, законодательно устанавливаются границы канонической интерпретации отдельных событий, сооружаются современные памятники и памятные знаки, кодирующие официальные и неофициальные преференции заказчиков, меняется содержание учебного материала по истории, возникают жесткие споры в музейном и

выставочном пространстве, исторические сюжеты становятся не только темой ожесточенных дискуссий в политической сфере, но и едва ли не в каждом семейном кругу.

В этой ситуации становится актуальным вопрос о том, каким образом инициативы, возникающие на общественном уровне, могут повлиять на формирование исторической политики государства, а именно на одну из форм ее реализации, культурной памяти государства.

Объект исследования - политика памяти РФ

Предмет исследования способы влияния различных институтов гражданского общества на формирование культурной памяти РФ

Цель исследования – определить роль институтов гражданского общества в формировании культурной памяти государства

Для решения данной цели необходимо будет решить несколько задач:

1. Изучить основные теоретические подходы в изучении таких явлений, как «политика памяти», «историческая политика», «культурная память».
2. Определить основных акторов, влияющих на формирование политики памяти государства.
3. Выявить механизмы воздействия общественных организаций на формирование культурной памяти на примере г. Красноярск и музея «Пермь - 36»

Степень научной разработанности проблемы:

Впервые «проработка прошлого» как предшественница современной «исторической политики» началась в Германии и была связана с попытками осмысления и преодоления нацистского прошлого немецкими интеллектуалами, которые были заинтересованы в достижении компромисса между различными слоями общества. [1]

Комментируя «проработку прошлого» Теодор Адорно, писал, что «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно и потому что если за вину и насилие всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца; и несправедливо, потому что прошлое, от которого хотят убежать, еще живо.» [2]

Основные теоретические понятия и методологический аппарат, которые используются в области изучения исторической памяти, обусловлены развитием истории и смежных социальных наук на Западе.

Базовые положения проблематики социальной памяти были заложены в работах французского социолога Мориса Хальбвакса, который определял коллективную память в качестве особого сегмента истории отделенного от научного исторического знания. Коллективные представления общности о прошлом являются одними из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентификации общности. [3]

Параллельно с М. Хальбваксом природу и функции социальных воспоминаний исследовал немецкий историк искусства Аби Варбург. В основе концепции А. Варбурга было изучение коллективной памяти через бессознательные компоненты в общественном сознании влияние бессознательных элементов на общественное сознание, на формирование исторической и культурной памяти. [4]

Наряду с психоаналитическим направлением в изучении исторической памяти можно выделить также направление, связанное с исследованием мнемотехнических практик, и влиянием развития социальной коммуникации на память.

Я. Ассман считал, что в основе формирования и изменения коллективной памяти лежит коммуникация. Смена типов коммуникации ведет к смене восприятия памяти. Память у Я. Ассмана понимается как непрерывный процесс,

в котором всякая культура всякое общество или общественная группа формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Содержание памяти определяется социальными и культурными рамками. [5]

В русле продолжения традиций М. Хальбвакса проводит свои исследования Яэль Зерубавель, делая акцент на исследовании связи коммеративных действий со стремлением независимых общностей публично заявлять, о своих собственных ключевых отличиях. Историческая память и социальные воспоминания становятся частью имени сообщества коммеративные практики частью процесса самоидентификации [6]

П. Нора, опираясь на социологию памяти Мориса Хальбвакса, разработал методологическую программу изучения «мест памяти» «символических объектов» с которыми общность связывает свои воспоминания и ценности. П. Нора вслед за М. Хальбваксом разделяет понятия: память и история. Память - живые воспоминания социальных групп история - репрезентация прошлого. Память выполняет конструктивную собирательную функцию, она способствует укреплению идентичности склеиванию отдельных воспоминаний общности, история выполняет деструктивную роль разрушение спонтанной памяти «убийство» живых воспоминаний. Наиболее важным является выделение и сохранение мест памяти - останков живой истории переходных этапов от живой спонтанной памяти к мертвой истории от жизни к смерти памяти и воспоминаний социальных групп. [7]

Отечественные ученые этого периода в основном выступают с критикой психоаналитического направления в исследовании исторической памяти.

А. М. Руткевич считает выдвижение понятий коллективной и исторической памяти неоправданным. В своих рассуждениях А. М. Руткевич оперирует такими фактами как личность и индивидуальность

воспоминаний. При этом вся критика А. М. Руткевича направлена на психоаналитические концепции изучения памяти. [8]

Критику психоаналитических концепций в изучении исторической памяти вслед за А. М. Руткевичем продолжают И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Отмечая неопределенность и размытость понятия историческая память, отсутствие четких определений возможность в трактовках некоторых авторов пересечения понятия историческая память с такими терминами как социальные представления, историческое сознание, и т.д. И.М.Савельева и А.В.Полетаева отмечают что «историческая память» может представлять собой опорные пункты массового знания о прошлом, но при этом считают возможным свести явление исторической памяти не к самостоятельному явлению, а к элементу в области социальных представлений. [9]

Л.П.Репина обращается к проблеме коллективной исторической памяти как к теоретическому ресурсу, который сулит отыскание новых способов решения проблем, классической историографии и истории. Главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нём тот образ, который запечатлен у переживших его участников и современников. [10]

Что касается современных отечественных работ, то количество исследований, посвященных роли культурных факторов, политике государства в сфере культурного развития в становлении политики памяти в постсоветской России, весьма не велико.

Среди исследований, в которых предпринимались попытки проследить взаимосвязь исторической памяти и социокультурных трансформаций постсоветского периода, можно выделить работы И.В. Следзевского [11], Г.А.Янковской[12], О.С.Нагорной [13]. Однако можно заметить, что указанные работы были направлены, главным образом, на выявление отдельных заметных

тенденций социально-психологической эволюции исторической памяти россиян под влиянием кризиса национально-государственной идентичности 1990-х гг.

Недостаточное освещение в научной литературе получили и проблемы реализации государственной исторической политики РФ через систему образования. Лишь в 2000-е годы появился ряд научных трудов, посвященных политической социализации школьников и студенческой молодежи (можно выделить работы Т.Н.Самсоновой [14], О.А.Молчановой [15]), в которых затрагивается указанная проблема. При этом концептуальные основания формирования исторической «картины мира» российских школьников и молодежи посредством образовательных механизмов (с учетом детального анализа самих этих механизмов, их потенциала и ограничений) и сегодня остаются непроработанными.

А. Миллер, комментируя прикладное значение исторической политики, полагает, что она, с одной стороны, проводится ради создания и развития «положительного, душеукрепляющего образа национальной истории». С другой стороны, у исторической политики имеется немалый конструктивистский потенциал, комментируя значение которого А. Миллер полагает, что «все нации хотят сделать такой национальный нарратив, который выполнял бы конструктивную функцию в формировании понимания «Мы», солидарности и т. д.» [16]. Он разграничивает понятия «историческая политика», с одной стороны, и «политизация истории» и «политика памяти» [17] – с другой, в силу того что они могут быть направлены на формирование различных ценностей у тех или иных групп общества.

На основе западных теорий предпринимаются попытки проанализировать историческую политику российской власти «Путинской эпохи», в частности, с точки зрения использования различных институтов: СМИ (Эрлих С.И [18]), церкви (Растимешина Т. В [19]). Еще одним предметом исследования является специфика региональной памяти и региональных политик памяти (Макаров

А.И.[20]) Для выработки исторической политики ключевым является конструирование политических нарративов, отражающих ту или иную версию исторической памяти (Эксль О.Г.). Механизм формулирования этих нарративов также является предметом внимания в литературе (Малинова О.Ю. [21])

В процессе исследовательской работы для решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования:

1. Анализа и синтеза, которые являются в данном случае основой историко-политических явлений. Это научно-теоретический анализ источников литературы, анализ нормативно-правовых актов, положений, стандартов.

2. Метод дедукции и индукции, которые позволят вывести умозаключения, при котором использование общих и частных научных положений реализуется для исследования конкретных явлений

3. Метод case study, заключающийся в анализе конкретного случая или события.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка литературы.

В первой главе рассматриваются теоретические вопросы и методологические основы политики памяти как, а также вводятся понятия политического субъектов и акторов.

Во второй главе проводится анализ средств и методов, используемых институтами гражданского общества для влияния на формирование политики памяти и культурной памяти в частности, проводится анализ конфликтных ситуаций, возникающих по поводу установки памятников и их значения для формирования культуры общества.

Примечания:

1. Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти// Неприкосновенный запас. 2005 № 2-3 С. 40
2. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»// Неприкосновенный запас. 2005 № 2-3 С.41
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. /пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина.// М.: Новое издательство, 2007. С.12
4. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности// Азбука-Классика. - СПб, 2008.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.//М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти// Abimpero, 2004 С. 15
7. Нора П. Франция-память/М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. //СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999
8. Руткевич А.М. «Психоанализ, История, Травмированная память»/ Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ// М.2005 С.221- 225
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память к вопросу о границах понятия»/ Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ// М. 2005 г. С. 170-220
10. Репина Л.П. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени// М. 2006 г. С.23
11. Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 93-104.
12. Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. / Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. под ред. И.В.Нарского. Челябинск, 2004. С.347-357.

13. Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества / Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. под ред. И.В.Нарского. Челябинск, 2004. С.228-241.
14. Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.. № 2. 2012 С. 37–51.
15. Молчанова О.А. Политическая социализация в современной российской школе: политико-психологический анализ.//М., 2007. С.175
16. Миллер А. «Историческая политика» в восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения
17. Миллер А. Россия: власть и история/ Pro Et Contra М.: «ARTODEX» 2009. С. 9
18. Эрлих С. И. Улица Декабристов (роль СМИ в формировании исторической памяти в современной России) // Вестн. Российск. гос. гуманитарного ун-та. 2008. №11. С. 245–261
19. Растимешина Т. В. Культурное наследие церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестн. Моск. гос. академии делового администрирования. Сер. Философские, социальные и естественные науки. 2012. №5. С. 76–84.
20. Макаров А. И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. №12. С. 8–11
21. Малинова О. Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 368–395

Глава 1. Теоретические основы теории культурной памяти

1.1 Основные подходы и этапы развития в теории культурной памяти

А. Варбург писал, что на протяжении всей истории человечество непрерывно преследуют символические пережитки прошлого, которые оказывают влияние на формирование исторического воображения в определенный момент.[1] Это и есть наша память.

В психологии память имеет индивидуальную природу. Однако французский социолог Морис Хальбвакс, ввел в науку идею коллективной памяти. «Коллективная память», считал Хальбвакс, это особые формы «присутствия прошлого» (традиции, «понятия», «школьные знания», «символы» и пр.), которые формируются и живут в недрах социальных институтов и коллективов (семья, школа, религия, класс). Размышляя о динамике этих форм, социолог, опережая свое время, выходил в ту область исследований, которая сегодня связана с проблематикой культурной памяти.[2]

Хальбвакс полагал, что группа имеет память подобно индивиду, отрицая связь памяти с историей, более того, он утверждал, что память противоположна ей.[3]

Противоположную точку зрения приводит А. Ассман, говоря о том, что история и память – взаимодополняющие феномены, способные перетекать друг в друга: исторический факт приобретает черты мемориализации, если основана на личном переживании события.[4]

Заслугой А. Ассман является систематизация и разграничение концептов памяти. В авторской концептуальной схеме бинарная оппозиция «индивидуальное» - «коллективное» не отвергается, но заменяется четырьмя видами памяти, сгруппированными по выполняемым ими функциям и размеру сообществ, на которых они ориентированы.

Так, исследовательница предлагает разделять память на индивидуальную, социальную, политическую и культурную.

Индивидуальная память «является динамичным средством проработки индивидуального опыта», однако она имеет социальную основу и функционирует за счет межличностного общения. Граница между индивидуальным и социальным, по мнению автора, проницаема, поэтому социальная память динамична и подвижна; формируется «снизу» в социальной среде и в определенном временном горизонте, становясь результатом многочисленных согласований, дискуссий и споров. Она представляет коммуникативную память социальных групп, общностей и поколений, имеющих консолидирующие воспоминания о тех или иных событиях. Примером в данном случае может послужить память семьи, которая передается от старших к младшим.

Если понятия индивидуальной и социальной памяти изучены в российской науке довольно широко, то политическая и национальная память в России до сих пор служат предметом изучения лишь немногих российских исследователей. Как пишет Ассман, «национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество “сверху”». Она воспроизводится с помощью ритуалов, национальных праздников, мемориалов и памятников, а также обретает себя в гранд-нарративах. Перспективы изучения политической памяти в российском контексте пока не ясны. Однако, как отмечает Ассман в интервью немецкой радиокomпании Deutsche Welle, без изучения памяти этого уровня и «признания былых преступлений» россияне не смогут преодолеть забвение и проработать травматические воспоминания, связанные с теневыми пятнами российской истории.

Наконец, культурная память сравнима с резервуаром, выполняющим накопительную функцию. Она носит транспоколенческий характер и

основывается на символических средствах репрезентации, «характеризуется необходимым многообразием воплощения в текстах, визуальных образах, трехмерных артефактах». Вместилищем культурной памяти выступают архивы, музеи, библиотеки, кинофильмы и художественная литература, обеспечивая ей долговременность, а ритуалы и традиции служат средствами ее воспроизводства.

Если индивидуальная и социальная память имеют биологическую - церебральную основу, то коллективная политическая память и индивидуальная культурная память – символическую.[5]

Подобным образом описывает культурную память немецкий египтолог Ян Ассман. Он выделяет 4 области внешнего измерения памяти: миметическая память, связанная действиями посредством подражания; предметная память – обусловленная предметным миром, в котором человек живет. Предметный мир снабжен показателем времени, указывающим не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого; Коммуникативная память – связанная с общением в социуме; и, наконец, культурная память. Она образует пространство, в которое более или менее плавно переходят все три вышеназванные области. Когда миметические навыки и приобретают статус «обрядов», то есть вдобавок к своему целевому значению приобретают еще и смысловое, они уже не вмещаются в область миметической, деятельностной памяти. Обряды относятся к сфере культурной памяти, поскольку представляют из себя форму передачи и воскрешения культурного смысла. То же самое можно сказать и о вещах, когда они и отсылают не только к определенной цели, но и к определенному смыслу: памятники, надгробия, храмы, идола и проч. выходят за рамки предметной памяти, поскольку эксплицируют имплицитный показатель времени и идентичности. [6] Этот аспект, названный им «социальной памятью», поставил в центр своих исследований Аби Варбург.[7]

Однако необходимо понимать разницу между социальной памятью и памятью культурной.

Память формируется взаимодействием трех факторов: носителя, среды и опоры. В случае с социальной памятью носителем является социальная группа, сплоченная общим, регулярно обновляемым ресурсом воспоминаний, средой оказываются отдельные индивидуумы, обменивающиеся индивидуальными вариантами общих воспоминаний, а опорой – символические медиаторы, которыми пользуются эти индивидуумы. В случае с культурной памятью соотношение трех компонентов изменяется еще радикальнее; культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга, однако передача и традиции обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов, варьируя, обновляя и оживляя их состав; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы и творчески использующие их.

Социальная память носит «межпоколенческий» характер, поскольку трансляция устного предания осуществляется непосредственно через воспоминания старших членов семьи, а культурная память носит «транспоколенческий» характер, коммуникация при этом опосредована символами, знаками, ритуалами, монументами, памятными датами и прочими «большими нарративами», отмеченными «реперными точками» в пространстве и календарными «вехами» во времени.

Культурная память предстает в двух формах – функциональной (кратковременной, «оперативной») и накопительной (долговременной). Репрезентацию содержания функциональной памяти обеспечивают символические практики (традиции, канонизация артефактов и ритуалы, т. е. «колеи», берущие начало в прошлом и уводящие в будущее), а архивации содержания накопительной памяти способствует консервация материальных

носителей «следов» в музеях, библиотеках, специализированных хранилищах.
[8]

Французский историк Пьер Нора сформулировал теорию о том, что историческая реальность имеет 2 измерения. Одно измерение - осязаемое, в большей степени материальное, находящееся в определенном времени и пространстве. Второе имеет символический характер и существует вне ограничительных временных или пространственных рамок.[9] Эта теория послужила основой для развития идеи культурной памяти. Культурная память дает представление о том, как прошлое отражается в реалиях настоящего. Культура памяти охватывает отражение исторических образов, документов, событий и идей на разных временных промежутках истории.

Феномен культуры памяти имеет также транснациональное измерение. В 2000 году в Стокгольме на международной конференции по Холокосту многие страны Европейского союза приняли решение добавить в свой календарь памятную дату - день освобождения Освенцима 27 января и проводить соответствующие памятные мероприятия ежегодно. Это событие было первым решительным шагом в направлении формирования общей культурной памяти. Однако в том, что воспоминания о холокосте смогут стать начальной точкой для находящейся в стадии становления транснациональной культуры памяти, существуют сомнения, и ее формирование оценивается неоднозначно ввиду ряда причин.

Во-первых, воспоминания о событиях Второй мировой войны не одинаковы не только в разных странах, но и в разных регионах одной страны, в памяти различных социальных групп и даже поколений.

Во-вторых, формирование всеобщей культуры памяти имеет тенденции к европеизации и универсализации воспоминаний о холокосте, что зачастую заставляет абстрагироваться от реалий истории и может привести к потере

объективности или игнорировании, а впоследствии утрате важных специфических для определенного региона или группы воспоминаний.

В-третьих, выработка единой транснациональной культуры памяти может привести к ее ренационализации, то есть к тому, что нации утратят возможность самостоятельно формировать свою культурную память, ее будут диктовать отдельно взятые группы, предписывая собственные субъективные взгляды и искажая ее в собственных интересах.

Немецкий теоретик культуры Вальтер Беньямин отмечает, что память имеет дело с образами, вырванными из начального контекста. Дилемма памяти состоит в том, что часто, обращаясь к прошлому, мы говорим не о реальности, а о том, как те события сохранились в памяти очевидцев, отражены в литературе или в сознании прошлых поколений. То, как те или иные события находят отражение в культурной памяти, во многом зависит от интерпретации. Это создает предпосылки для ведения войн за культурную память. Культурная память имеет несколько важных функций: она оправдывает и придает легитимность существующему порядку и поддерживает самоидентичность народов и социальных групп. Поэтому часто культура памяти становится политическим инструментом.[10]

Например, во многих постсоветских странах отражение в памяти народа событий Второй мировой войны стало объектом высоко политизированного спора, которые продолжаются и сегодня. Одним из примеров являются сносы многочисленных советских памятников, в том числе демонтаж памятника Бронзовому солдату в Литве в 2008. Во многих странах Восточной Европы Советский Союз имеет образ не освободителя, а жестокого захватчика.

В СССР культура памяти тоже была инструментом политики. Сталин активно противодействовал увековечению памяти о победе советского народа в Великой Отечественной войне в общественном сознании. Празднование Дня победы становится традицией только в середине 60-х годов при Брежнев.

Но с течением времени все больше становится очевидным, что культура памяти не может сохраниться в долгосрочной перспективе, если она основана на противоречии между личным опытом и историографической и политической интерпретацией.

Для обозначения связи и коллективной памяти с политикой используется множество понятий. В России чаще всего встречаются такие понятия как «политика памяти» и, все чаще использующийся в последнее время, термин «историческая политика».

Поскольку «историческая политика» стала объектом изучения российских ученых совсем недавно, зачастую происходит подмена понятий.

Так, российский историк Модест Колеров определяет историческую политику как политику единых ориентиров, формул описания прошлого с целью формирования (не только властью, но и любым формирующим свой образ власти общественным институтом, в том числе оппозицией или даже революционной силой) партийного или общенационального единства, «политика памяти», историческая часть «национальной идеи».[11] Тем самым он сводит оба понятия в синонимы.

Довольно четкое разграничение приводит А. Миллер. Под политикой памяти он понимает различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других. Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к архивам, через определение стандартов исторического образования, а также через

приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д.

В основе каждой политики памяти лежит базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа. Это некая ось, вокруг которой вращается или, по крайней мере, должно вращаться историческое сознание граждан и все, что его формирует, включая преподавание истории и исторические исследования, хотя бы в той мере, в какой власть контролирует последние.

В свою очередь историческая политика является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов.

Историческая политика определяется как «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие». Иными словами, используя свои финансовые и административные ресурсы, политические силы с помощью сферы исторического сознания и коллективной памяти внедряют идеологические доктрины в общество.[13]

1.2 Роль основных субъектов гражданского общества в формировании культурной памяти.

Формирование представлений о том, что и как следует помнить, - важный элемент осуществления стратегии политического господства и борьбы за такое господство. За содержание коллективной памяти борются различные субъекты политического процесса. Различные группы, особенно в демократических обществах, выдвигают порой противоречащие друг другу версии прошлого и борются за их признание.

Как отмечает Б. Шварц, память – это «культурная программа, ориентирующая наши намерения, склонности и дающая нам возможность

действовать»[14] Эта программа не может всякий раз совершенно произвольно меняться по желанию той или иной элитной группы, а политика памяти не может рассматриваться как беспроблемный процесс манипуляции с податливым историческим и человеческим материалом. Любые стратегии в этом поле могут столкнуться с контрстратегиями. В таком случае в «поле культурной памяти» выделяются определенные субъекты.

К этим субъектам относятся государство, гражданское общество и его институты, а также религиозные организации.

Проводя историческую политику, институты государственной власти используют множество различных механизмов и инструментов. К наиболее важным из них относятся преподавание истории в школе и школьные учебники истории.

С точки зрения задач исторической политики школьное историческое образование должно способствовать гражданской консолидации общества, становлению единой национальной идентичности. Так, Е. Вяземский отмечает, что для такого «подхода характерно фокусировать внимание на событиях, значимых с точки зрения построения национально-патриотической версии истории России, формирования коллективной исторической памяти, которая является основой самоидентификации человека, социальной группы»[2]

Так, под влиянием активизации в странах Восточной Европы в начале XXI в. исторической политики, главной мишенью которой на международной арене выступила Россия, российская власть начинает активно заниматься политикой памяти и доминирует в формировании соответствующей повестки дня. [16]

В 2006 г., когда интенсивность усилий власти в сфере политики памяти начинала возрастать, была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, которой было поручено написание нового учебника истории России XX в. Планировалось, что он станет если не единственным, то доминирующим учебником в школе. В 2007 г. Вышло пособие

для учителей по новейшей истории России. Далее появился учебник «История России, 1945—2007» и методическое пособие по периоду 1900—1945 гг.

Многие тезисы учебника представляли собой прямой ответ на историческую политику соседних стран и были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, отличающем эту разновидность политики памяти. Однако учебник решал и внутривополитические задачи. Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности же его основой была реабилитация сталинизма как особой модели ускоренной модернизации и обоснование ведущей роли авторитарного лидера при решении сходных задач на современном этапе.

Однако его появление вызвало волну недовольства со стороны общественности, в том числе профессиональных историков, т.к. власти не выработали критерии отбора мест «консенсуса» исторической памяти.

Другим инструментом политики памяти обоснованно считаются такие общественные институты, как музеи. В литературе распространены характеристики музея как «мнемонической машины» или «материального воплощения коллективной памяти», «мест памяти», «общественных коллекторов, обеспечивающих единство общества» [17] и т.п.

Музей является важным центром формирования культурной и коммуникативной памяти общества. Значимость деятельности музея обуславливается тем, что особое значение в плане трансляции социокультурного опыта имеет наглядность, эффективно достигаемая в процессе экспозиционной деятельности музея, позволяющей визуально представить различные области конкретного социального опыта. При этом средствами трансляции социокультурного опыта, а значит, и формирования исторической памяти

общества являются язык и опредмеченные результаты человеческой деятельности. [18]

Процесс производства исторической памяти в музее, разумеется, связан с предметами, которые хранятся в музее. Отбор, документация, первичное изучение предметов для музейной коллекции сами по себе ограничены и заданы определенными культурными и экономическими и политическими целями и условиями. В ходе этого процесса предмет обретает статус «музейного» и затем «становится частью наследия, попадая в экспозицию и выступая в роли средства обучения» [19] — формирования пространства памяти, в котором искусственно воссоздается серия событий и образов, «дающих иллюзию общего, разделяемого неким сообществом опыта» .

Музейное пространство может выступать как инструмент формирования исторической памяти о политических реалиях [20], инструмент формирования национальной и региональной идентичности [21], инструмент туристического проекта, основанного на эксплуатации наиболее популярных исторических образов и т. п. [22]

В контексте конструктивистской парадигмы музей — важный элемент групповой и культурной идентичности, который имеет социальный успех только тогда, когда композиционно и идейно отвечает конкретным ценностным запросам общества и последовательно реализует политику памяти о конкретной группе объектов [23]. Как подчеркивается в литературе, «музеи как институты памяти имеют преимущество перед прочими агентами культуры, они могут способствовать улучшению жизни своих общин, становиться местами для оживленных дебатов, они порождают исполненные смысла визуальные и текстуальные конструкции, которые направлены на передачу определенных посланий, цель которых — улучшение качества жизни общества» [24].

Другим местом и инструментом формирования исторической памяти и исторической политики являются коммеморации, под которыми понимается

мобилизация памяти о том или ином объекте (событии, человеке, исторической общности). К коммеморациям относятся мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилеи, и т. п. Как правило, в литературе коммеморативные практики рассматриваются в привязке к практикам мобилизации памяти о конкретном событии (в рамках концепции «мест памяти» П. Нора). В числе популярных тем война 1812 г. и, конечно, Великая Отечественная война.

Мы можем говорить о наличии государственно поощряемого почитания победы в Великой Отечественной войне и частичного одобрения тех или иных действий советской власти в военный и иные периоды XX века. Это подкрепляется акцентом на исконном отличии русского народа от западноевропейских государств. Такой подход требует наличия, хотя бы временного, так называемой политической нации, которая будет служить сопровождением и поддержкой действий государства. Одним из элементов, необходимых для формирования политической нации, является так называемое учредительное событие, за которое цепляется народная память. На данный момент Великая Отечественная война, спустя время концентрированно выраженная в празднике День Победы, и является таким событием, поскольку все попытки государства сконструировать дату, которую можно было бы считать началом «новой» России, приемлемым для формирующейся демократии, оказались бесполезны. Достаточно вспомнить 4 ноября — День народного единства, который ассоциируется сейчас только с провластными митингами и «Русскими маршами».

В гражданское общество включают рынок, все негосударственные институты, гражданские ассоциации, корпорации, группы давления, этнические, семейные группы и религиозные институты. Этот примерный список показывает, что гражданское общество не может обладать культурной памятью, поскольку многие его институты не способны на это и не заинтересованы в ее создании. Вместе с тем ряд других сегментов и институтов гражданского общества сохраняют отдельные элементы культурной памяти и даже создают

свою собственную память. Таким образом, современное гражданское общество состоит из «мозаичного набора групп, обладающих идентичностью и не обладающих ею» [25].

Группы, в основе которых лежит интерес, не могут обладать культурной памятью. Интерес нуждается в реализации, которая возможна только в будущем; и ему достаточно обладать краткосрочной памятью, но не долгосрочной, и тем более не культурной. Для саморегулирующегося рынка культурные традиции представляют собой препятствия. «Следуя терминологии Вебера, такие группы являются не ценностно- рациональными, но целерациональными» [26].

Отсутствие культурной памяти характерно и для общественных движений, складывающихся вокруг одной проблемы. Их члены могут активно заниматься пропагандой собственных взглядов, участвовать в политическом процессе и даже обладать некими отличительными материальными признаками (например, значками). Однако эти движения легко появляются и исчезают, достигают своих целей и уходят в небытие. Они могут оставить след в обществе, но он будет иметь прагматический характер, например изменение привычек или законов. Наиболее масштабное движение последних десятилетий, толчком к которому стал 1968 г., во многом изменило жизнь людей, но не создало культурной памяти, потому что не выработало устойчивой идентичности, и наоборот. Единственное воспоминание, которое оно оставило у своих приверженцев, – это ностальгия.

Более политизированные движения гражданского общества, особенно восстания против репрессивного государства, могут формировать культурную память до тех пор, пока делятся репрессии (так называемая «контрпамять»). В конечном итоге они либо терпят поражение и исчезают, либо побеждают. В последнем случае контрпамять становится официальной, задачу ее культивирования берет на себя государство, и она перестает принадлежать собственно гражданскому обществу. Даже при подобном исходе в большинстве

случаев истинное значение этого культа, скорее всего, изгладится из памяти людей.

С другой стороны, имеются примеры создания культурной памяти благодаря усилиям гражданского общества. Один из них связан с проблемой возникновения национального государства, когда существовал социальный заказ на формирование новой культурной идентичности, который выполняла интеллигенция. «Искусство начало собственными усилиями обеспечивать культурную память еще с XVIII столетия... культ национальных поэтов и художников был создан в сфере гражданского общества»[27]. И наоборот, формирование новой культурной идентичности способствовало созданию национального государства. Хорошим примером тому является Германия, миф о древней культуре которой, основанный на античном наследии, был создан интеллигенцией еще до возникновения единого государства.

Широко распространенные движения, ведущие политическую борьбу за утверждение групповой идентичности, – например, расовой, этнической или гендерной, – также имеют свои корни в гражданском обществе. Но поскольку реализация их целей связана именно с укреплением своей идентичности, а не просто удовлетворением частных потребностей, то такие движения должны воссоздать или создать заново свою культурную память. Без общей культурной памяти нет идентичности. «Диссимиляция, так же как и ассимиляция, – процессы, постоянное колебание которых определяет жизнь общества и предполагает воссоздание и формирование культурной памяти» [28]. Даже в семье имеется культурная память в виде старых фотографий или реликвий. Многие забытые явления могут быть возвращены к жизни, переплетены с новыми мифами и историями.

Поскольку гражданское общество состоит из множества порой вступающих в конфронтацию групп, причем как обладающих собственной культурной идентичностью, так и в таковой не нуждающихся, выбор людей

неоднозначен. Он расположен между жизнью, опирающейся на культурную память, и жизнью без нее.

В принципе гражданское общество может функционировать и без культурной памяти, успешно примирять различные, ориентированные на ближайшее будущее и ограниченные краткосрочной памятью интересы, руководствуясь лишь утилитарными соображениями. Но стремление к утверждению собственной идентичности все же по-прежнему достаточно сильно. Об этом свидетельствует деятельность традиционалистских движений, факты апелляции к религии или искусству в поисках альтернативы современной жизни, лишенной культурной памяти.

Что касается механизмов осуществления политики памяти со стороны гражданского общества, одним из наиболее эффективных является создание так называемых экспертных сообществ – совокупности экспертов в различных областях: непосредственно в сфере культуры и искусства - теоретики и практики культуры, владеющие информацией о тенденциях развития культуры в обществе и ее основных «болевых точках».

До недавнего времени в России почти не было таких институтов или неформальных групп, для которых политика памяти была бы приоритетным направлением. В 1990-е годы, на фоне болезненных трансформаций, общественный интерес к истории был довольно низок.

Пожалуй единственным неформальным актором, который вполне соответствовал в 1990-е годы понятию экспертного сообщества, сделавшего участие в политике памяти приоритетной задачей, была основанная в 1991 году Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 года АИРО-XX). Помимо публикаций сугубо профессиональных монографий, посвященных различным аспектам истории XX века, АИРО уделяла много внимания анализу перемен, происходивших в сфере историописания в России и постсоветских странах. В 1998 году АИРО совместно с Московским бюро Фонда

Фридриха Науманна начала проект по изучению «национальных историй» постсоветского пространства. Деятельность АИРО сыграла важную роль в формировании общественной повестки дня в профессиональной среде, однако за пределами профессиональных кругов влияние Ассоциации было довольно ограниченным.

Немного более заметна в публичном пространстве была деятельность «Мемориала». Международное историко-представительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» имеет более широкий круг интересов, чем политика памяти, его правозащитная деятельность нередко выходит на первый план. Однако трудно переоценить роль «Мемориала» в политике памяти, и прежде всего памяти о политических репрессиях сталинского периода. «Мемориал» имеет разветвленную сеть организаций: в российский «Мемориал» входит более 60 организаций в более чем 40 регионах России. По инициативе «Мемориала», в том числе его местных организаций, в 1990-е годы открыты сотни памятников и памятных досок, посвященных жертвам политического террора. «Мемориал» активно использует Интернет, создавая на своем сайте специальные страницы по главным направлениям своей деятельности в этой сфере: о местах захоронения, об истории большого террора, системе ГУЛАГа, принудительных депортациях, истории органов госбезопасности, формированию базы данных о жертвах репрессий. Специальные страницы посвящены репрессиям против поляков, российских немцев, социалистического сопротивления и репрессиям за веру, а также инакомыслию и диссидентскому движению послесталинского периода.

В целом можно сказать, что и АИРО и «Мемориал» демонстрировали два разных подхода к влиянию на общественную повестку дня. Если «Мемориал» в существенной мере стремился ее формировать, не позволяя вытолкнуть на периферию общественного внимания тему репрессий и добавляя новые сюжеты в ее обсуждение, АИРО скорее реагировал на общественный интерес к теме национализации истории и переводил ее обсуждение в более профессиональное и спокойное русло.

При реализации активной исторической политики в России в начале 2000-х, власть задействовала близкие ей экспертные структуры. Об этом свидетельствует роль, отведенная в подготовке учебника Филипову, который на тот момент занимал пост заместителя директора Национальной лаборатории внешней политики, образованной в 2002 г.

Лаборатория позиционирует себя как «некоммерческая организация, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в подготовке и осуществлении внешнеполитических решений [29]. На протяжении более чем 15 лет существования эта структура проявляла себя довольно слабо, поэтому можно полагать, что она носит служебный характер и «реанимируется» под конкретные проекты.

Зачастую, в виду различий целей, отношения между акторами могут носить конфронтационный характер.

Так, впервые обозначившись в 1990-е годы, возникает конфликт между РПЦ и «Мемориалом» в борьбе за пространство памяти.

Религиозные организации в нашей стране были восстановлены в статусе юридических лиц только после принятия Закона СССР от 1 октября 1990 года «О свободе совести и религиозных организациях» [30].

Процесс возвращения имущества религиозным организациям начался позднее - было издано Распоряжение Президента Российской Федерации от 31 декабря 1991 г № 135 – рп «О возвращении Русской православной церкви строений и религиозной литературы».

В постсоветский период церковь, акцентируя тот факт, что она является одной из потерпевших сторон недавней истории, смогла приобрести на этом дополнительный моральный капитал и «кредит доверия»

Федеральный закон Государственной Думы РФ от 30 ноября 2010 №327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного значения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» был завершающим шагом в длительном процессе реституции церковного имущества.

Конфронтация между частью гражданского общества и церковью, была вызвана тем, что процесс реституции церковного имущества требует так называемой «демузеефикации» многих объектов культурного наследия.

В литературе приводится ряд факторов, препятствующих полноценному сотрудничеству гражданского общества и церкви.[31]

Во-первых, на стороне церкви стоит государство, стремящееся посредством возвращения имущества церкви разрешить их противоречия. Вследствие этого притесняются интересы «музейного сообщества», которое в свою очередь противоборствует восстановлению имущественных прав церкви.

Во-вторых, согласно принципам охраны культурного наследия церковь не в состоянии обслуживать часть переданного ей имущества ввиду отсутствия внутренних финансовых и управленческих ресурсов, что лишает общество части памятников культуры

В-третьих, отсутствует нормативный акт, устанавливающий механизм взаимодействия церкви, гражданского общества и государства в сфере охраны культурного наследия, культуроохранная политика церкви транслирует узко религиозные нормы и практики охраны культурного наследия, поскольку опирается на консервативное учение, в котором церковные ценности находятся за пределами экономических и социальных отношений.

Примером существования данной конфронтации может послужить пространство памяти, раскинувшееся на Соловецком архипелаге. Этот конфликт заблокировал возможную коалицию между разными акторами исторической памяти и привел к фактическому противостоянию между РПЦ и «Мемориалом» в борьбе за пространство памяти [33], особенно остро проявившемуся во время установки монументального Соловецкого креста на Бутовском полигоне в День памяти жертв политических репрессий 30 октября 2007 года [34].

На сегодняшний день можно зафиксировать серьезное поражение «Мемориала» и других независимых от государства организаций в поле исторической памяти [36]. Общее усиление здесь клерикального дискурса

сопряжено с возрастающей ролью РПЦ в проведении официально признанной культурной политики. РПЦ пытается не только вернуть себе прежнюю дореволюционную собственность, но и установить гегемонию на историческую память, что делает «Мемориал» еще более уязвимым в этой фактически игнорируемой общественностью дискуссии.

РПЦ получила возможность контролировать часть социокультурной среды, «насытив» ее, помимо конфессиональных, этнонациональными кодами и символами. Несмотря на то, что многие памятники, независимо от места экспонирования и имущественной принадлежности, уже не могут восприниматься исключительно в качестве предмета культа, церковь настойчиво предлагает человеку именно этноконфессиональный «вход» в пространство памятников культуры, создавая вокруг них соответствующий контекст. В настоящее время Русская Православная церковь не формирует «нейтрального» пространства культурной самоидентификации человека. Обеспечивая, в соответствии с буквой Закона, всем желающим доступ к объектам культурного наследия, она, тем не менее, «обволакивает» их этнонациональным и этноконфессиональным духом, обставляя соответствующими декорациями.

Примечания:

1. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности// Азбука-Классика. - СПб, 2008. – С. 2
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. /пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина.// М.: Новое издательство, 2007. – С.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. /пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина.// М.: Новое издательство, 2007. – С.
4. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова.// М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.49

5. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. // М.: Новое литературное обозрение, 2014 С. 54-57
6. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. // М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19- 21
7. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности // Азбука-Классика. - СПб, 2008. – С.
8. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. // М.: Новое литературное обозрение, 2014 С. 57-59
9. Нора П. Франция-память / М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, С.35.
10. Эмден К. Пережитки ('Nachleben'): Культурная память у Аби Варбурга и Вальтера Беньямина // *Cultural Memory: Essays on European Literature and History* / E. Caldicott, A. Fuchs (eds.), 2003. С. 209-224.
11. Колеров М. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка./ сборник статей «Исторические политики Евросоюза, Польши, Белоруси, Украины, России и Литвы» // Вильнюс. 2013 С.35
12. Миллер А. Россия: власть и история/ Pro Et Contra М.: «ARTODEX» 2009. С.7
13. Миллер А. Россия: власть и история/ Pro Et Contra М.: «ARTODEX» 2009. С.10
14. Schwartz В. Abraham Lincoln and the Forge of National Memory. //Chicago, 2000. С. 251.
15. Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. №6. С. 89–90.

16. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // «Полития» №4(71) 2013. С. 116
17. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. №2. С. 7–8. 105.
18. Марков Б. В. История и память // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С. 71
19. Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена.. Т. 8, №35. 2007С. 96–97.
20. Хархун В. Политика памяти о коммунизме и музейная коммуникация // Труды «Русской антропологической школы». Т. 11. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 119–126
21. Нурлигенова З. Н. Память, хранимая столетиями (из истории карагандинского областного историко-краеведческого музея) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 12–15.
22. Лысикова О. В. Туризм как освоение пространства-времени: мобильность коллективной памяти // Социологические науки. 2011. № 7. С. 95–100.
23. Вознесенская Л. Музей — дыхание памяти // Государственная служба. 2012. Т. 1, № 1. С. 94–98
24. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. №2 С. 4

Глава 2. Механизмы реализации влияния гражданского общества на формирование культурной памяти.

2.1 Роль общественных организации в формировании коммеморативной исторической политики на примере г. Красноярск

2015 год был ознаменован юбилейной 70-ти летней годовщиной Победы СССР в Великой Отечественной войне. По этому поводу в Красноярске в очередной раз встал вопрос об установке памятника И.В. Сталину.

18 марта 2015 г. группа депутатов красноярского горсовета обратились с петицией в администрацию города и правительство края с просьбой выделить территорию для установки памятника Иосифу Сталину.

Сергей Волков, красноярский бизнесмен и член партии «Яблоко», узнав об этом, устроил одиночную политическую акцию. В день очередного заседания депутатов Волков подошел к входу в горсовет и развернул плакат, на котором было написано «Сталин – трагедия моей семьи. Депутаты, не делайте больно». Бизнесмен был в ватнике с номером, как у гулаговских заключенных, в руках – венки из колючей проволоки. Депутаты явно не могли его не заметить. Он пытался вручить им колючие венки, но их, конечно же, никто не брал.

Несмотря на членство в «Яблоке», на одиночном пикете Сергея Волкова не было никакой политической символики. Для него это была личная история, связанная с его семьей, которая стала жертвой репрессивной политики во времена правления Сталина. По его мнению, «депутатам стоит решать реальные проблемы, а не раскалывать общество, внося разногласия между людьми».[1]

У Сергея сразу же нашлось множество сторонников в соц. сетях. Дети жертв политических репрессий, просто солидарные с его позицией. Этот случай послужил отправной точкой развития резонанса среди общественности по поводу установки памятника И.В Сталину.

К слову, бюст уже давно отлит и более 10 лет находится в помещении крайкома КПРФ. Именно этот бюст в 2005 г., к 60–летию Победы красноярские коммунисты уже пытались установить в городе – во дворе дома по ул. Марковского. Как тогда сообщали федеральные СМИ, за 350-килограммовый бюст КПРФ заплатила скульптору 350 тыс. руб.

Красноярское отделение «Мемориала» было крайне возмущено тем, что на заседания комиссий, обсуждавших эту инициативу, не были приглашены представители общественности, и что горожане не были проинформированы о готовящемся решении.

Инициаторами установки бюста были коммунисты. «Мемориал» посчитал эту инициативу не больше чем пиар акцией, в которой, вне зависимости от исхода коммунисты все равно выигрывают. Так, не имея связей ни в горсовете, ни в администрации, «Мемориалу» не оставалось ничего другого, кроме как устроить скандал.

Но для начала было отправлено письмо мэру города с требованием официальной встречи. В письме не велась дискуссия о роли Сталина, как политического деятеля, а описывались последствия установки памятника: беспорядки, падение имиджа как города, так и лично мэра. В последствии это давало «Мемориалу» право говорить: «Мы предлагали решить вопрос мирно. Вы не захотели, и нам пришлось устроить скандал».

Через два дня выяснилось, что мэр отказался принять «Мемориал». Тогда письмо было разослано в СМИ. Основные тезисы, которые «Мемориал» озвучивал в интервью, были следующие:

1. В ноябре 2004 в одной из передач красноярского ток-шоу «Оптимальный вариант», посвященной этой теме, представитель мэрии заявил, что вопрос об установке памятника не может быть решен без широкого обсуждения. Но, так как его не было, «Мемориал» заявил, что чиновники обманули народ, тем самым надавив на широкие массы населения.

2. Следующий тезис был сигналом для краевой администрации. Утверждалось, что установка памятника – это позор для города и края. Представители «Мемориала» помогают власти не совершить ошибку.

3. В мэрии всем «заправляют» коммунисты. Это сигнал для «Единой России».

4. Мэрия используется коммунистами для своего пиара. [2]

Таким образом, мы видим, что основной удар пришелся не на коммунистов, а на мэрию, чего естественно никто из них не ожидал.

Помимо этого «Мемориал» проводил беседы с ветеранами, пытаясь объяснить, что репрессированных это оскорбит.

В СМИ просочилась информация о том, что постамент для памятника уже готов. Узнав об этом, «Мемориал» решил начать крупномасштабный конфликт. [3]

Было решено создать информационный повод для СМИ и устроить сбор подписей против установки памятника прямо под окнами мэрии. Поскольку организовать многолюдный митинг и получить на него разрешение, устроить пикет или пресс-конференцию в довольно короткий срок не удалось бы, сбор подписей оказался самым оптимальным вариантом.

«Мемориал» не ставил целью собрать как можно больше голосов, был важен сам процесс, в результате которого чиновники оказались перед неожиданным и неприятным для них фактом: под их окнами проходит какая-то акция, вокруг телевизионщики с камерами.

Перед этим об акции, конечно же, оповестили СМИ, а также разместили ссылку своего официального сайта в интернет - форумах, благодаря чему информация разошлась мгновенно.

Результат не заставил себя ждать. На следующее утро постамента уже не было на прежнем месте, ночью его снесли. Мэрия сообщила, что нельзя такой памятник ставить на открытом месте, и его поставят в Пантеоне воинской славы (закрытое и малопосещаемое помещение). И его, действительно, попытались там

установить, но он там не пролез в двери. Потом коммунисты устроили презентацию бюста около горкома партии, но, на их беду, это здание являлось историческим памятником, принадлежащим краеведческому музею. Директор музея заявила в милицию по поводу самовольной установки, и бюст через несколько часов исчез.

Коммунисты также собирали подписи в поддержку установки, стояли в пятидневном пикете около краевой администрации.

25 апреля 2005 г. «Мемориал» послал письмо Губернатору Красноярского края А.Г. Хлопонину, в котором указали возможные последствия установки памятника.

В ходе общения с пациентами госпиталя ветеранов войн А.Хлопонин заявил – «бюст Сталину не должен быть установлен в городе». Губернатор отметил, что дискуссию по этому поводу необходимо прекратить особенно переел праздником Победы в Великой Отечественной войне. "Мне не нравятся спекуляции по данному вопросу. Сталин запомнился россиянам двояко. В стране не было геноцида страшнее, чем во время его правления. Но нельзя недооценивать его роль в войне. Я согласен, что память может быть увековечена, я согласен видеть его в одном ряду с великими российскими полководцами, но не более"[3]

2 июня 2005 г. Общество «Мемориал» получило официальное подтверждение из администрации Красноярского края о том, что «с учетом неоднозначной оценки деятельности И.В. Сталина жителями края принято решение о недопустимости установки памятника». Тем самым была поставлена точка в этом вопросе.

Спустя 10 лет, 18 марта 2015 года шестнадцать из 36 депутатов Городского совета подписали обращение губернатору края Виктору Толоконскому, спикеру ЗС Александру Уссу, председателю горсовета В. Ревкуцу с просьбой выделить в Красноярске место для установки бюста Сталина. [4]

История с памятником вновь приобрела широкий размах. Однако, не смотря на то, что инициатором обращения выступил депутат от КПРФ Владимир

Пястолов, автором этого обращения был Анатолий Быков, поэтому большинство подписавших – члены фракции «Патриоты России».

Руководитель красноярского общества «Мемориал» Алексей Андреевич Бабий в интервью на телеканале Афонтово выделил несколько причин активности членов горсовета, и «Патриотов России» в частности:

Во-первых, коммунистам хочется, чтобы памятник все-таки стоял на определенном месте, а не на лестничном пролете крайкома партии, где он напоминает о предыдущем поражении коммунистов в 2005 году.

Во – вторых, это, конечно же, пиар. Накануне Дня Победы в Великой Отечественной войне «Патриоты России» решили «проехаться» по этой теме. Даже если они не поставят памятник, то все равно «прогремят, прозвучат и заполнят эфирное пространство»

И, в-третьих, «эта партия проводит разведку боем – прогнется под них городская администрация, и Акбулатов лично, или нет. Если прогнется – они ставят еще один флажок на политической карте Красноярска. Если нет – все равно отпиарились, поскольку только скандалы и позволяют вспомнить о существовании этих депутатов».[5]

Поскольку у «Мемориала» уже был опыт подобных конфликтов, механизмы их борьбы кардинально не изменились.

Первым делом было отправлено обращение мэру города, Эдхаму Акбулатову, в котором приводились исторические справки и статистика жертв репрессий, вновь описывались угрозы, к которым может привести установка памятника.

В свою очередь, «Патриоты России» организовали сбор подписей за установку бюста.

Узнав об этом, «Мемориал» снова создал информационный повод для СМИ, но на этот раз не сбором подписей. Собрав все 12 томов книги памяти, в которых содержатся списки репрессированных в Красноярском крае людей.

«Эти люди наверняка были бы против установки памятника. Они, конечно, сказали бы свое нет, но сказать они не могут, потому что расстреляны. Но я

считаю, что их голос должен быть учтен. Эти книги передаются в Комиссию по увековечиванию памяти для того, чтобы в комиссии с ними ознакомились, почитали справки и учли голос этих людей, которых здесь без малого 100 тысяч, и после этого приняли решение» - прокомментировал А.Бабий.[6]

На сессии городского совета мэр города Эдхам Акбулатом заявил о том, что появление памятника Иосифу Сталину в Красноярске может создать повод для раскола в обществе, что неправильно/

«Я считаю, что фигура Иосифа Виссарионовича Сталина весьма противоречива, у него есть как сторонники, так и противники, и на нынешнем этапе принимать решение, которое создаст очередной раскол в обществе, является неправильным. Оценка деятельности Сталина должна еще состояться в обществе, после чего можно принимать решение по установке памятника либо бюста», – сказал Акбулатов.[7]

Таким образом, на примере г. Красноярска мы видим, что формирование культурной памяти как напрямую, так и косвенно зависит от гражданского общества и его институтов.

Прямое влияние осуществляется через общественные организации, такие как «Мемориал», посредством обращений к региональному руководству, давления на чиновников.

Косвенное влияние граждан заключается в том, что возникновение раскола в обществе на основе возникающих противоречий совершенно не выгодно региональным властям. Это может повлечь за собой падение их имиджа и навредить репутации. Поэтому власти вынуждены урегулировать возникающие конфликты, что существенно отражается на формировании политики памяти региона.

Что касается властей, в частности региональных, мы видим, что культурная память используется ей как инструмент реализации собственных интересов. Так, с помощью объектов культурной памяти региональная элита формирует свой имидж, ведет политическую игру, создает повод для своего пиара.

На исход этого конфликта во многом повлияли личностные качества руководителя красноярского общества «Мемориал». Именно его стратегические навыки помогли организации отстоять свои интересы.

2.2 Конфронтация общественных организаций, как фактор формирования культурной памяти на примере музея «Пермь – 36»

Музей истории политических репрессий «Пермь-36» был создан в 1996 году на месте бывшей исправительно-трудовой колонии в Кучино, где с 1972 по 1988 годы содержались те, кого в СССР считали особо опасными государственными преступниками. В разные годы там побывали многие знаменитые диссиденты: Владимир Буковский, Сергей Ковалёв, Юрий Орлов, Анатолий Марченко, Леонид Бородин, Натан Щаранский, Глеб Якунин, Михаил Кукобака, Левко Лукьяненко, Василь Стус. Уникальна не только тема, которой посвящен Мемориальный центр «Пермь-36». Особую достоверность экспозиции придает то, что она расположена в зданиях, сохранившихся со времен ГУЛАГа. [9]

Долгие годы музей пользовался хорошей репутацией в кругах российских и мировых историков, планировалась подача заявки на включение центра в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Главной его целью являлось увековечение памяти жертв политических репрессий и рассказ о государственных преступлениях сталинского и брежневского времени. Кроме того, автономная некоммерческая организация (АНО) «Пермь-36», курировавшая музей в рамках соглашения с краевыми властями об использовании территории и зданий, организовала в нем курсы для музеологов и преподавателей истории.

Мемориальный центр «Пермь-36» создавался как частный музей: трудом волонтеров, деньгами частных пожертвований, грантами международных фондов. Инициатор создания музея – декан истфака пермского пединститута Виктор Шмыров – стал директором музея «Пермь-36». [10]

И городская, и краевая администрация активно помогали музейщикам. Конфликтов с властями не было. Наоборот, Олег Чиркунов, будучи губернатором Пермского края, увеличил бюджетное финансирование музея, передал музею казармы лагерной охраны.

В октябре 2013 г. было решено, что музей вместе с двумя мемориальными центрами в Москве и Петербурге будет включен в «Национальную программу по увековечению памяти жертв политических репрессий» и в будущем может рассчитывать на ежегодную финансовую поддержку в размере 500 млн. рублей из федерального бюджета. Руководство музея разработало план по строительству межрегионального просветительского и образовательного центра (Пермь-36 2010).

До 2012 года музей успешно жил и развивался. Специалисты признали лагерь комплекс памятником мирового значения. Чтобы оформить это решение, готовились документы для ЮНЕСКО.

Музей работал и как дискуссионная площадка: каждое лето на территории комплекса проходил гражданский форум «Пилорама». Недалеко от музейного комплекса располагался палаточный лагерь, в котором жили полторы-две тысячи человек. Финансировался фестиваль краевой администрацией. На форуме проходили концерты бардовской песни показывали театральные спектакли и кинофильмы, устраивали выставки.

Тем не менее, музей имел не только сторонников, но и противников. Оппоненты музея впервые открыто представили публике свою позицию летом 2012 г. после того, как в Перми произошли политические изменения. В конце апреля 2012 г. губернатор пермского края Олег Чиркунов, известный поддержкой так называемой «Пермской культурной революции», был отправлен в отставку и вместо него был назначен Виктор Басаргин.

Летом 2012 года за несколько дней до открытия «Пилорамы» пермский клуб «Патриот» устроил пикет под лозунгом «Нет базе НАТО в Перми-36!» Но

это было только начало. Атаки на музей посыпались со всех сторон. Стало ясно, что у музея есть не только сторонники, но и сильные противники. Появилась статья в газете «Аргументы и факты», где со слов бывшего охранника лагеря утверждалось, что в музее «фальсифицируют историю». Депутаты от «Единой России» предложили сократить финансирование музея на 70%. При этом депутаты сослались на учителей, которым якобы не понравилось, как в музее отражена победа СССР во Второй мировой войне.

Пикет перед администрацией губернатора послужил только прелюдией для целого ряда атак против музея. В день, когда вступил в силу закон «об иностранных агентах», 21 ноября 2012 г., депутат заксобрания края от «Единой России» Александр Телепнев предложил сократить расходы на содержание музея на 70%, основываясь на жалобах пермских учителей, которые, по его словам, просили «прекратить безобразия и пропаганду против победы во Второй мировой войне», осуществляемые на зарубежные гранты.

Главной силой в борьбе против музея выступила организация «Суть времени». В тот же день организация опубликовала на своем сайте: «В борьбе за сохранение исторического достоинства, мы начинаем публикацию серии статей «Пермь-36. Правда и ложь», посвященных деятельности АНО «Пермь-36» и общества «Мемориал» в Пермском крае». В этой серии были в основном интервью с бывшими сотрудниками колонии и курирующего ее отделения МВД. Ветераны вспоминали об условиях в колонии ВС-389/36 в 1970–1980-е гг., опровергая тем самым информацию, представленную в тогдашней экспозиции музея. О том, что экспозиция была посвящена условиям жизни в 1940-е гг. на Колыме упомянуто не было. Обвинения в фальсификации истории на деньги международных фондов были повторены в письмах губернатору и интервью с ветеранами ГУФСИН Члены этой организации собирали и публиковали мнения лагерной охраны о работе музея. Всё чаще стали звучать обвинения в фальсификации истории на деньги международных фондов. [11]

На фоне жалоб и в ожидании огромных средств на содержание музея становится понятным, почему краевые власти решили передать организацию музея государственному автономному учреждению культуры (ГАУК), о чем представители АНО «Пермь-36» узнали из газет. После первоначального сопротивления было решено продолжить сотрудничество на основе нового соглашения, в котором было предусмотрено, что за финансовые вопросы и сохранение территории и зданий отвечает ГАУК, а АНО будет готовить выставки и вести просветительскую работу. Хотя бывший исполнительный директор АНО Татьяна Курсина и стала директором ГАУК, встречи для подписания соглашения весной 2014 г. постоянно отменялись вопреки обещаниям главы администрации губернатора Алексея Фролова и местного министра культуры Игоря Гладнева. Вместо продолжения сотрудничества в начале 2014 г. краевые власти прекратили переводить субсидии на счет АНО. Поскольку они также не стали финансировать созданное ими ГАУК, средств на зарплаты сотрудникам и оплату счетов за коммунальные услуги не осталось. Когда 30 марта 2014 г. отключили свет и воду, Курсина была вынуждена закрыть музей «по техническим причинам».

Произошел первый публичный скандал, широко обсуждаемый в региональных СМИ, когда Гладнев без официального объяснения причин, но охарактеризовав Курсину «неэффективным» менеджером, уволил ее с поста директора ГАУК. На ее место он назначил свою заместительницу Наталью Семакову. Ссылаясь на то, что таким образом АНО потеряла не только возможность оказывать влияние на работу в музее, но и свой офис в Перми, бывший директор определила происшедшее как «рейдерский захват» проекта «Пермь-36».[12]

По распоряжению директора Натальи Симаковой были уничтожены лагерные ворота, сохранившиеся с середины XX века. Конфликт нарастал. Всё это вызвало большой интерес у пермяков. Как сторонники, так и противники музея организовывали пикеты, сбор подписей, писали губернатору и президенту.

В результате краевая администрация предложила изменить концепцию музея: изучать не только советские репрессии, но и всю историю репрессий в России, начиная с Бориса Годунова. По поводу форума «Пилорама» было сказано, что государство не может предоставлять площадку для выступлений лицам, призывающим к массовым беспорядкам. В ответ старые сотрудники музея решили прекратить всякие контакты с краевыми властями.

Когда НТВ в передаче «Пятая колонна» обвинила экспозицию музея в прославлении «бандеровцев» и «фашистов», спор вокруг музея пробудил интерес пермской публики.[13] Как сторонники, так и противники музея организовали пикеты и сборы подписей, писали открытые письма губернатору и президенту. Местное отделение общества «Мемориал», например, организовало международный сбор подписей.[14]

Следующие инциденты в середине июля послужили поводом для широкого освещения конфликта в СМИ на государственном и мировом уровне. Уже упомянутое выше разрушение аутентичных ворот бывшего лагеря обсуждалось в Европе. На сайте администрации губернатора 22 июля было опубликовано заявление, в котором Татьяну Курсину обвиняли в том, что «вместо конструктивной совместной работы льется поток клеветы и необоснованной критики с обвинениями об уничтожении имущества Мемориального комплекса». Несколько дней спустя, на официальной пресс-конференции директор департамента гражданских программ администрации губернатора Сергей Маленко представил новую концепцию, по которой музей должен не только заниматься политическими репрессиями советских времен, но и репрессиями со времен Годуновых. [15] Этим был достигнут такой уровень конфликта, что общественники официально объявили о прекращении сотрудничества с краевыми властями.

Однако общественники имели сторонников и на национальном уровне. В течение лета состоялось несколько встреч между представителями Администрации Президента, Совета по правам человека при Президенте,

Администрации губернатора Пермского края, общества «Мемориал» и АНО «Пермь-36». Председатель Совета по правам человека Михаил Федотов даже встретился с президентом в связи с конфликтом в Перми. Путин высказался положительно по поводу сохранения модели государственно-общественного сотрудничества в музее. Представителей АНО удалось уговорить, таким образом, пойти на новый раунд переговоров с краевыми властями. Первым результатом явилось создание 31 октября общественного совета под руководством Владимира Лукина, бывшего уполномоченного по правам человека РФ. Разработали текст соглашения о сотрудничестве между АНО и краевыми властями, но те затягивали с его подписанием. Когда после смены ответственных лиц краевыми властями был затребован возврат части субсидий 2013 г., а также обновление соглашения о сотрудничестве, руководство АНО 2 марта 2015 г. опубликовало на своем сайте заявление о самоликвидации.

Основу для опасений, что музей будет преобразован из мест памяти жертв репрессий в музей пенитенциарной системы СССР можно найти на его сайте, где сообщается, что открылись «две интерьерные экспозиции, которые были восстановлены по воспоминаниям бывших сотрудников ИТК-389/36» (МКПР 2014). АНО в процессе самоликвидации весной 2015 г. была включена в реестр НКО, выполняющих функции иностранных агентов (МЮРФ 2015)

Конфликт, который изначально выглядел, как региональный, стал всероссийским. Его освещали «Новая газета» и «Эхо Москвы». Затем – международным: международные правозащитные организации направили обращения к губернатору края с просьбой о сохранении музея, во многих газетах Европы вышли материалы, посвященные конфликту.

Противостояние развивается на двух уровнях: административном (наблюдаются столкновения между краевыми властями и АНО «Пермь-36») и общественном (жаркие споры о советском прошлом и его значении для определения целей политического и общественного развития нынешней России).

Среди обвинений в адрес музейщиков «навязывание русофобских настроений», «оскорбление чувств бывших сотрудников лагеря», «изображение врагов народа незаконно репрессированными», «поддержка фашистов». Так формируется общественное мнение, что сотрудники музея – «пятая колонна», которая «собирается разрушить государство и подготовить захват власти в стране с помощью США». Активистами в борьбе с музеем выступают отставные сотрудники МВД и бывшие надзиратели лагеря, работавшие в зоне в 70-е – 80-е годы. Мотивы противников музея различны: это и желание взять реванш за чувство унижения, пережитое после распада СССР, и заинтересованность в общественной реабилитации, в предотвращении юридических последствий собственной деятельности в лагере, и попытка получить те деньги, которые раньше из краевого бюджета получал музей.

Конфликт сильно политизирован. Каждая из сторон подозревает другую в сговоре с краевой администрацией. Кроме того, в связи с судьбой музея и потерей форума «Пилорама» обсуждаются перспективы развития туристического бизнеса Пермского края, финансирование культурных проектов, распределение земельных участков.

Но есть и конфликт памяти: конфликт исторической оценки прошлого. Ведется борьба за то, чтобы дать окончательную оценку действиям советской власти. Решается вопрос: был ли СССР тоталитарным государством с миллионами жертв, невинно осужденных на долгие лагерные сроки или убитых? Или СССР был всемирно признанной сверхдержавой, гарантом прав трудящихся и социальной солидарности? Попутно ведутся дискуссии о том, что такое патриотизм и истинно русская культура. Обсуждается, можно ли назвать патриотом того, кто освещает преступления тоталитарного прошлого, или только того, кто сосредоточился на общепризнанных достижениях. Признание достоинств репрессированных ощущается охранниками лагеря как унижение. И наоборот. Одна из двух групп при любом решении будет чувствовать себя оскорбленной. С каждой из групп солидаризировалась часть общества.

Противостояние чувствуется и во взгляде на будущее страны. Одни стремятся к демократизации, десоветизации и укреплению гражданского общества. Другие – к реставрации, к сохранению традиционных ценностей, борются против «развала страны».

Конфликт вокруг концепции музея при помощи теории Ассман можно интерпретировать следующим образом: его корни уходят в расколотившую социальную память российского общества, участники конфликта являются представителями одного поколения, родившегося между 1935 и 1955 гг. Нравственная и профессиональная идентичность представителей этого поколения сформировалась еще при советской власти. Окончательное определение советского прошлого в том или ином виде лишает одну из противоборствующих сторон возможности общественного признания их заслуг и достижений, что сильно расшатывает опоры идентичности и ущемляет чувство собственного достоинства. Этот конфликт, по мнению автора, не случайно обостряется именно тогда, когда данное поколение находится в стадии перехода в последнюю фазу жизни (третий возраст), в которой решается, что и в какой мере переходит из социальной памяти данного поколения в культурную. Музей, как одно из мест, где формируется культурная память, в этом отношении является очень уязвимым. Поэтому не удивительно, что ведется такая борьба за сторонников из более молодых поколений.

Этот эффект имеет непосредственное отношение к государственной политике памяти, программным трактовкам прошлого. Дело в том, что чем отчетливее государственные инстанции занимают ту или иную позицию в сфере исторической политики, тем сильнее обостряется обозначенное противостояние. В контексте низкого уровня доверия государству и популярности в обществе апокалиптических сценариев развития страны, этот конфликт может иметь особенно острые формы. Страх тотального контроля режима противостоит страху перед скрытой подрывной деятельностью со стороны пресловутой «пятой колонны». Такое отношение касается не только представителей старшего, но

также среднего и младшего поколений. Один из источников кроется в конфликте внутри старшего поколения, решающего, что должно передаться из социальной памяти в коллективную.

С точки зрения культуры памяти ситуация вокруг музея – показатель глубокого раскола в российском обществе. Музей – одно из мест, где формируется культурная память. А мемориальный центр «Пермь-36» - особенно. Неслучайно он стал центром противостояния. Отношения между двумя группами строятся на фундаментальном недоверии. Конфликт затрагивает глубокие вопросы нравственной идентичности. Споры идут не вокруг исторической достоверности, а, скорее, вокруг установления чьей-либо виновности или невинности. Обе стороны ощущают себя бойцами на святой войне за так называемую «историческую правду».

В отличие от случая в Красноярске, где конфликт был основан преимущественно на личности самого Сталина и не вышел за рамки региона, ситуация с музеем «Пермь-36» вышла не только на государственный уровень, но и на мировой. Поэтому становится понятна причина неудачи сторонников сохранения музея.

Конфликт развивался на фоне активной стадии российско-украинского конфликта, поэтому противники музея выбрали удачную тактику, обвинив экспозицию музея в прославлении «бандеровцев» и «фашистов». Федеральные власти, несмотря на обещания помочь АНО, все же были вынуждены не вмешиваться в конфликт, и допустили изменение концепции музея и смены его руководства, поскольку были обязаны не допустить угрозы идентичности и раскола в обществе.

Примечания:

1. Михайлова И. Зуд памяти. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4754/> (дата обращения 29.04 2017)
2. Бабий А.А. Антисталиниада по-красноярски URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20061030.htm> (дата обращения 25.03.2017)
3. Бабий А.А. Антисталиниада по-красноярски URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20061030.htm> (дата обращения 25.03.2017)
4. Губернатор Хлопонин против установки памятника Сталину в Красноярске URL: <http://www.newsru.com/russia/05may2005/xloponin.html> (дата обращения: 25.03.2017)
5. Депутаты предложили установить в Красноярске памятник Сталину URL: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1426657800-deputaty-predlozhili-ustanovit-v-krasnoyarske-pamyatnik-stalinu (дата обращения: 30.03.2017)
6. Тема дня – памятник Сталину. Телеканал Афонтово URL: <http://afontovo.ru/news/17806> (дата обращения: 15.05.2017)
7. Алексей Бабий сдал 100 000 голосов против установки памятника Сталину в Красноярске. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2HjUkcLy4YM> (дата обращения 8.05.2017)
8. Мэр выступил против памятника Сталину в Красноярске URL: <http://info.sibnet.ru/article/417044/> (дата обращения: 8.05.2017)
9. Гизен А. Расколота память: отражения конфликта вокруг «мемориального центра Пермь-36» URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/raskolotaya-pamyat-otrazhenie-konflikta-vokrug-memorialnogo-tsentra-perm-36-v-rossiyskih-media> (дата обращения: 18. 04. 2017)
10. Шмыров В. «Пермь-36». Реабилитация репрессий» URL: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167> (дата обращения: 18.04.2017)

11. «Пермь-36. Правда и ложь» URL: <http://eotperm.ru/?p=731> (дата обращения: 30.04.2017)
12. Ни света, ни зарплаты. Бюрократы оставили лагерь ГУЛАГа без денег. URL: https://ura.news/news/1052181564?story_id=50 (дата обращения: 13.05.2017)
13. НТВ: Про Пермь-36. Профессия репортер: Пятая колонна URL: https://www.youtube.com/watch?v=W99Y9aZ6C_o (дата обращения 16.05.2017)
14. Пермское краевое отделение «Международного общества Мемориал» <http://www.pmem.ru/4055.html> URL: (дата обращения: 15.05.2017)
15. Гизен А. Расколота память: отражения конфликта вокруг «мемориального центра Пермь-36» URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/raskolotaya-pamyat-otrazhenie-konflikta-vokrug-memorialnogo-tsentra-perm-36-v-rossiyskih-media> (дата обращения: 18. 04. 2017)

Заключение

Культурная память носит транспоколенческий характер и основывается на символических средствах репрезентации, «характеризуется необходимым многообразием воплощения в текстах, визуальных образах, трехмерных артефактах». Вместилищем культурной памяти выступают архивы, музеи, библиотеки, кинофильмы и художественная литература, обеспечивая ей долговременность, а ритуалы и традиции служат средствами ее воспроизводства.

Культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга, однако передача и традиции обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов, варьируя, обновляя и оживляя их состав; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы и творчески использующие их.

Для обозначения связи и коллективной памяти с политикой используется множество понятий. В России чаще всего встречаются такие понятия как «политика памяти» и, все чаще используемый в последнее время, термин «историческая политика».

Под политикой памяти понимаются различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других. Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к

архивам, через определение стандартов исторического образования, а также через приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д.

В свою очередь историческая политика является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов.

Историческая политика определяется как «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие». Иными словами, используя свои финансовые и административные ресурсы, политические силы с помощью сферы исторического сознания и коллективной памяти внедряют идеологические доктрины в общество.

Проводя историческую политику, институты государственной власти используют множество различных механизмов и инструментов. К наиболее важным из них относятся преподавание истории в школе и школьные учебники истории.

Другим инструментом политики памяти обоснованно считаются такие общественные институции, как музеи.

Музей является важным центром формирования культурной и коммуникативной памяти общества. Значимость деятельности музея обуславливается тем, что особое значение в плане трансляции социокультурного опыта имеет наглядность, эффективно достигаемая в процессе экспозиционной деятельности музея, позволяющей визуально представить различные области конкретного социального опыта.

Что касается механизмов осуществления политики памяти со стороны гражданского общества, одним из наиболее эффективных является создание экспертных сообществ, общественных организации, религиозных объединений

Зачастую, в виду различий целей, отношения между акторами могут носить конфронтационный характер.

Так, впервые обозначившись в 1990-е годы, возникает конфликт между РПЦ и «Мемориалом» в борьбе за пространство памяти.

На примере г. Красноярска мы видим, что формирование культурной памяти как напрямую, так и косвенно зависит от гражданского общества и его институтов.

Прямое влияние осуществляется через общественные организации, такие как «Мемориал», посредством обращений к региональному руководству, давления на чиновников, организации пикетов и митингов, активное использование СМИ

Влияние обычных граждан заключается в том, что возникновение раскола в обществе на основе возникающих противоречий совершенно не выгодно региональным властям. Это может повлечь за собой падение их имиджа и навредить репутации. Поэтому власти вынуждены урегулировать возникающие конфликты, что существенно отражается на формировании политики памяти региона.

Что касается власти, в частности региональной, мы видим, что культурная память используется ей как инструмент реализации собственных интересов. Так, с помощью объектов культурной памяти региональная элита формирует свой имидж, ведет политическую игру, создает повод для своего пиара.

В отличие от случая в Красноярске, где конфликт был основан преимущественно на личности самого Сталина и не вышел за рамки региона, ситуация с музеем «Пермь-36» вышла не только на государственный уровень, но и на мировой. Поэтому становится понятна причина неудачи сторонников сохранения музея.

Конфликт развивался на фоне активной стадии российско-украинского конфликта, поэтому противники музея выбрали удачную тактику, обвинив экспозицию музея в прославлении «бандеровцев» и «фашистов». Федеральные

власти, несмотря на обещания помочь АНО, все же были вынуждены не вмешиваться в конфликт, и допустили изменение концепции музея и смены его руководства, поскольку были обязаны не допустить угрозы идентичности и раскола в обществе.

С точки зрения культуры памяти ситуация вокруг музея – показатель глубокого раскола в российском обществе. Музей – одно из мест, где формируется культурная память. А мемориальный центр «Пермь-36» - особенно. Неслучайно он стал центром противостояния. Отношения между двумя группами строятся на фундаментальном недоверии. Конфликт затрагивает глубокие вопросы нравственной идентичности. Споры идут не вокруг исторической достоверности, а, скорее, вокруг установления чьей-либо виновности или невинности. Обе стороны ощущают себя бойцами на святой войне за так называемую «историческую правду».

В настоящее время власти пытаются создать позитивный и победоносный образ России для воспитания патриотизма у граждан. В эпицентре этой пропаганды – окончание Великой Отечественной войны. Главное – показать, что одержать победу может только сильное государство с сильным руководством.

Несмотря на то, что реформы 1990-х годов (в частности, принятие Закона о реабилитации жертв политических репрессий) создали условия для развития общественных организаций, это не привело к формированию новых практик коммеморации и сколько-нибудь последовательной политики памяти в отношении тоталитарного прошлого. Борьба активных граждан за формирование такой политики становится особенно насущной в условиях наблюдающейся с 2000 года новой тенденции к идеологизации в российской государственной политике.

В нашей стране отсутствует общенациональный консенсус по ключевым вопросам российской истории. Невозможно окончательно разрешить некоторые

дискуссионные вопросы, касающиеся сталинской эпохи, что не позволяет говорить о едином российском обществе.

Библиографический список

I. Нормативно-правовые акты:

1. Распоряжение Президента Российской Федерации «О возвращении Русской православной церкви строений и религиозной литературы» Федерации от 31 декабря 1991 г № 135 – рп
2. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016)
3. Федеральный закон Государственной Думы РФ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного значения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 №327-ФЗ.
4. Федеральный закон Государственной Думы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» РФ от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ

II. Литература:

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова.// М.: Новое литературное обозрение, 2014
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.//М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности// Азбука-Классика. - СПб, 2008.

4. Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011.
5. Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена.. Т. 8, №35. 2007
6. Малинова О. Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
7. Молчанова О.А. Политическая социализация в современной российской школе: политико-психологический анализ.//М., 2007.
8. Нора П. Франция-память / М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
9. Репина Л.П. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени// М. 2006 г.
10. Руткевич А.М. «Психоанализ, История, Травмированная память»/ Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ// М.2005
11. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память к вопросу о границах понятия»/ Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ// М. 2005 г.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. /пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина.// М.: Новое издательство, 2007.
13. Хархун В. Политика памяти о коммунизме и музейная коммуникация // Труды «Русской антропологической школы». Т. 11. М.: Изд-во РГГУ, 2012

14. Эмден К. Пережитки ('Nachleben'): Культурная память у Аби Варбурга и Вальтера Беньямина // *Cultural Memory: Essays on European Literature and History* / E. Caldicott, A. Fuchs (eds.), 2003.

15. Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. / *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. под ред. И.В.Нарского.* Челябинск, 2004.

16. Schwartz V. *Abraham Lincoln and the Forge of National Memory.* //Chicago, 2000.

III. Статьи:

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»// *Неприкосновенный запас.* 2005 № 2-3

2. Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти// *Неприкосновенный запас.* 2005 № 2-3

3. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти// *Abimperio,* 2004

4. Колеров М. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка./ *сборник статей «Исторические политики Евросоюза, Польши, Белоруси, Украины, России и Литвы»// Вильнюс.* 2013

5. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // *Вопросы музеологии.* №2. 2010.

6. Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества / *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. под ред. И.В.Нарского.* Челябинск, 2004

7. Нурлигенова З. Н. Память, хранимая столетиями (из истории карагандинского областного историко-краеведческого музея) // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2012. № 2

8. Макаров А. И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. №12
9. Марков Б. В. История и память // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Вып. 4 2009.
10. Миллер А. Россия: власть и история/ Pro Et Contra М.: «ARTODEX» 2009.
11. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти России// «Полития» №4(71) 2013.
12. Растимешина Т. В. Культурное наследие церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестн. Моск. гос. академии делового администрирования. Сер. Философские, социальные и естественные науки. 2012. №5.
13. Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.. № 2. 2012
14. Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общественные науки и современность. 2007. № 4
15. Эрлих С. И. Улица Декабристов (роль СМИ в формировании исторической памяти в современной России) // Вестн. Российск. гос. гуманитарного ун-та. 2008. №11.

IV Интернет-ресурсы:

1. Алексей Бабий сдал 100 000 голосов против установки памятника Сталину в Красноярске. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2HjUkcLy4YM> (дата обращения 8.05.2017)
2. Бабий А.А. Антисталиниада по-красноярски URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20061030.htm> (дата обращения 25.03.2017)

3. Гизен А. Расколота память: отражения конфликта вокруг «мемориального центра Пермь-36» URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/raskolotaya-pamyat-otrazhenie-konflikta-vokrug-memorialnogo-tsentra-perm-36-v-rossiyskih-media> (дата обращения: 18.04.2017)
4. Губернатор Хлопонин против установки памятника Сталину в Красноярске URL: <http://www.newsru.com/russia/05may2005/xloponin.html> (дата обращения: 25.03.2017)
5. Депутаты предложили установить в Красноярске памятник Сталину URL: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1426657800-deputaty-predlozhili-ustanovit-v-krasnoyarske-pamyatnik-stalinu (дата обращения: 30.03.2017)
6. Михайлова И. Зуд памяти. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4754/> (дата обращения 29.04.2017)
7. Мэр выступил против памятника Сталину в Красноярске URL: <http://info.sibnet.ru/article/417044/> (дата обращения: 8.05.2017)
8. Ни света, ни зарплаты. Бюрократы оставили лагерь ГУЛАГа без денег. URL: https://ura.news/news/1052181564?story_id=50 (дата обращения: 13.05.2017) Тема дня – памятник Сталину. Телеканал Афонтово URL: <http://afontovo.ru/news/17806> (дата обращения: 15.05.2017)
9. НТВ: Про Пермь-36. Профессия репортер: Пятая колонна URL: https://www.youtube.com/watch?v=W99Y9aZ6C_o (дата обращения 16.05.2017)
10. Пермское краевое отделение «Международного общества Мемориал» <http://www.pmem.ru/4055.html> URL: (дата обращения: 15.05.2017)
11. «Пермь-36. Правда и ложь» URL: <http://eotperm.ru/?p=731> (дата обращения: 30.04.2017)
12. Шмыров В. «Пермь-36». Реабилитация репрессий» URL: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167> (дата обращения: 18.04.2017)